

Козлов Алексей Александрович

Философские этюды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Александрович К.**
Философские этюды / Козлов Алексей Александрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 165 с.

ISBN 978-5-519-89682-5

ISBN 978-5-519-89682-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль, высказанная въ словахъ Конта, выражаетъ исходную точку предпринятаго мною труда. Въ всякихъ сомнѣній то, что философская система, предложенная Контомъ, далеко не стала пунктомъ объединяющимъ умы, хотя при концѣ своей жизни онъ уже мечталъ присутствовать на зарѣ этого объединенія. Точно также едва ли можно сомнѣваться въ томъ, чтобы эта система сдѣлалась такою объединяющею силою и въ будущемъ, хотя объ этомъ еще мечтаютъ нѣкоторые приверженцы положительной философіи. Но не подлежитъ сомнѣнію то, что для прочной постановки и нормальнаго развитія общественной жизни главнѣйшимъ, если не единственнымъ, средствомъ нужно признать то, на которое указано Контомъ въ вышеприведенной цитатѣ. Есть возможность выработать такое міросозерцаніе, къ знамени котораго могли бы примкнуть лучшія интеллектуальныя и нравственныя силы общества, то есть и надежда постановить разумную преграду атомистическимъ тенденціямъ мнѣній и интересовъ; если же мы отказываемся отъ этой возможности, то одно только лицемеріе или близорукость станетъ оспаривать всю силу положеній Гоббса: *homo homini lupus, bellum omnium contra omnes*. Противодѣйствовать

же реальной силѣ вещей, выражаемой этими положеніями, можно только тѣмъ путемъ, который логически выведенъ въ построенной этимъ философомъ теоріи общества, т. е., путемъ желѣзной, но грубой силы.

Фактъ умственной и нравственной анархіи, въ которой находится западно-европейское общество, вѣрно отмѣченный Контомъ въ его сочиненіяхъ, не могъ подлежать спору въ періодѣ его дѣятельности, именно во 2-й четверти нашего столѣтія; но и послѣ того протекавшая третья четверть его способствовала только большому подтвержденію этого факта. Едва ли кто попытается доказывать, что намъ русскимъ до этого факта нѣтъ дѣла и тѣмъ самымъ отрицать солидарность нашей общественной жизни съ Европою. Съ каждымъ годомъ все глубже и безповоротнѣе втягиваемся мы въ водоворотъ европейской жизни, и всѣ явленія ея въ большей или меньшей степени отражаются и въ нашей. На сколько европейская рознь мнѣній и интересовъ отражается въ нашей жизни, это, конечно, должно составить задачу специальныхъ изслѣдованій, которымъ здѣсь не мѣсто. Но во всякомъ случаѣ уже одна возможность этой розни должна заставить обратить вниманіе на ту область, изъ которой только и можно ожидать прочной помощи отъ этого зла. По моему эта область представляется тѣми силами духа человѣческаго, которыя имѣютъ цѣлью объединить безконечное разнообразіе познаній въ единую систему и въ результатѣ своей дѣятельности даютъ науку, называемую философіею. Единство въ міросозерцаніи лучшихъ интеллектуально и нравственно членовъ какаго бы ни было общества есть *conditio sine qua* поц борьбы съ атомистическою рознью мнѣній и интересовъ.

На мнѣ лежитъ обязанность доказать это положеніе; и эту обязанность я надѣюсь выполнить въ теченіи этого труда, а пока оно остается только личнымъ предположеніемъ, имѣющимъ важное субъективное значеніе въ качествѣ мотива, по-

буждающаго къ настоящему труду. Тотъ кто съ этимъ положеніемъ несогласенъ, не можетъ однако ограничиться только однимъ опроверженіемъ его; онъ долженъ указать на что либо другое, что по его мнѣнію, должно служить противодѣйствіемъ умственной и нравственной анархіи. Въ противномъ случаѣ, онъ долженъ или отрицать самый фактъ анархіи, или не считать его зловреднымъ. Но какъ бы то ни было, я исхожу какъ отъ признанія факта, такъ и отъ убѣжденія, что только въ философій можно и должно искать прочнаго ему противодѣйствія.

Но если фактъ розни въ западной Европѣ, можетъ быть, очевиднѣе, чѣмъ у насъ, то какъ бы въ замѣнъ того и философія воздѣлывается тамъ въ несравненно болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ у насъ. Правда, и въ Европѣ философія еще не совсѣмъ пережила кризисъ, грозившій ея существованію. Этотъ кризисъ въ передовыхъ обществахъ Европы начался не въ одно время. Во Франціи значеніе этой науки упало, начиная съ самаго конца прошлаго вѣка: и почти до послѣдняго времени она находилась, по крайней мѣрѣ, въ состояніи застоя, если не регресса. Въ Англіи же еще раньше того, философія потеряла самостоятельное значеніе и затрогивается преимущественно въ приложеніи къ теологій, морали и пр.; кромѣ того предметъ ея тамъ до того смѣшали съ предметами естественныхъ наукъ, что тамъ всякій замѣчательный физикъ, химикъ или зоологъ есть eo ipso и философъ. Но особенно важенъ былъ переломъ въ общественномъ довѣріи къ философій въ Германіи, странѣ, преимущественно державшей свѣточъ этой науки въ первой и отчасти второй четверти нынѣшняго столѣтія. Издѣсь сильно пошатнулся кредитъ философій, какъ науки, послѣ паденія системы Гегеля, разбитой прежде всего разногласіемъ и спорами, возникшими въ средѣ ея собственныхъ послѣдователей. Въ 4-мъ и 5-мъ десятилѣтіи нашего вѣка и въ Германіи спер-

ва учеными специалистами, а потомъ и вообще образованными людьми стало высказываться мнѣніе, что философія сыграла свою роль и сдана въ архивъ.

Но не смотря на то, западно-европейская философія и въ это неблагоприятное для нея время на переставала обнаруживать признаки прогрессивной жизни. Въ 6-мъ десятилѣтіи въ Германіи образуется цѣлая школа въ направленіи Гербарта, философскія сочиненія котораго появились еще въ 1-й и во 2-й четверти нынѣшняго столѣтія, но еще большее значеніе получаютъ философскія системы Шопенгауера въ Германіи и Конта во Франціи. Оба эти мыслителя, представляющіе сходство какъ по нѣкоторымъ основнымъ чертамъ ихъ направленій такъ и по внѣшней судьбѣ ихъ философской дѣятельности, стали обращать на себя вниманіе образованнаго міра только въ половинѣ 6-го десятилѣтія, весьма не задолго до ихъ смерти, *) между тѣмъ какъ начали они свою дѣятельность очень рано, а именно Шопенгауеръ во 2-мъ десятилѣтіи, Контъ въ 3-мъ. Въ 60-хъ годахъ и тотъ и другой пользуются уже довольно обширною извѣстностью даже въ кругу просто образованной публики. Въ томъ же 6-мъ десятилѣтіи начинаютъ обращать на себя вниманіе философскіе труды англичанина Герберта Спенсера, а во второй половинѣ 7 десятилѣтія получаетъ блестящій успѣхъ философская система Гартмана.

Но этого мало: съ 60 годовъ и по сіе время энергія философскаго мышленія все развивается и въ ширину, и въ глубину. Не только съ каждымъ годомъ увеличивается, особенно въ Германіи, число людей спеціально разрабатывающихъ философскіе вопросы, но даже талантливейшіе представители спеціальныхъ наукъ, астрономіи, химіи, фізіологіи, біологіи и пр. начинаютъ философствовать. Можно насчитать много именъ спеціальныхъ

*) Контъ умеръ въ 1857 году. Шопенгауеръ въ 1860.

ученыхъ, выходящихъ изъ своей спеціальной области въ область философіи: но ограничимся указаніемъ напр. на Моленотта, Дюбуа-Ремона, Гельмгольца, Геккеля, Цельнера, Виргофа. Что касается до главнаго русла, въ которомъ течетъ современное философское движеніе, то можно смѣло сказать, что это русло есть то самое, которое было впервые пробито Кантомъ. Въ сферѣ притяженія этого громаднаго свѣтила, давно оставившаго нашъ философскій горизонтъ, преимущественно вращаются и крупныя и второстепенныя современныя свѣтила. Канта оспариваютъ, Канта защищаютъ, къ Канту, какъ бывало къ Аристотелю, пишутся комментаріи въ видѣ цѣлыхъ томовъ и пишутся людьми знающими и талантливыми. *) Какъ на знаменіе времени можно указать также на вышедшую недавно и на русскомъ языкѣ (1 томъ) книгу Льюиса: «Вопросы о жизни и духѣ». Этотъ многосторонне-развитый и талантливый писатель, какъ извѣстно, давно занимался философіей, но строго стоялъ на позитивизмѣ и рѣшительно отрицалъ право на постановку такъ называемыхъ метафизическихъ вопросовъ о сущности вещей, первой причинѣ, духѣ и пр. Въ названной же книгѣ онъ признаетъ законность этихъ вопросовъ и считаетъ до извѣстной степени возможнымъ отвѣчать на нихъ. При этомъ значительную часть своей книги онъ посвящаетъ критикѣ Канта, а именно оспариваетъ его ученіе о пространствѣ, времени, категоріяхъ, синтетическихъ и аналитическихъ сужденіяхъ и пр. Но современное философское движеніе далеко не ограничивается разработкою спеціальныхъ философскихъ вопросовъ: появляются и новыя законченныя философскія системы. Послѣ Гартмановой мы имѣемъ вполне законченную систему Дюрин-

*) Такъ, напр., пользующееся извѣстностью въ Германіи сочиненіе Германа Когева: «Kant's Theorie der Erfahrung» есть собственно комментарій къ сочиненіямъ Канта.

га, предложенную въ 1875 году въ особомъ сочиненіи *). Вѣроятно не долго заставитъ себя ждать система Льюиса, а также Ланге. Послѣдній, какъ можно заключать изъ его замѣчательной монографіи, «Исторія матеріализма» **) имѣетъ самостоятельныя воззрѣнія на всю область философскаго познанія.

Но не смотря на все это движеніе право философіи на существованіе все еще составляетъ вопросъ, который ставится со стороны 3-хъ областей знанія. На первомъ мѣстѣ стоятъ притязанія естествовѣдѣнія, которое утверждаетъ, что нѣкоторые вопросы, которыми занималась философія, по неразрѣшимости ихъ, суть вопросы праздные, а другіе, которыми можно заниматься, принадлежать къ его области. Такимъ образомъ естествовѣдѣніе вырываетъ у философіи ту часть ея, которая извѣстна подъ именемъ философіи природы (натуръ-философіи).

Другія притязанія, съ которыми философія должна бороться, идутъ со стороны весьма близко стоящихъ къ ней наукъ, напр., психологія и даже логики. Это враждебное философіи направленіе представляется главнымъ образомъ англійской эмпирической психологической школой и вырываетъ изъ области философіи одну изъ важнѣйшихъ ея частей, извѣстную подъ разными именами: онтологіи, метафизики, теоріи познанія и пр.

Съ отголосками этой школы мы встрѣчаемся и въ русской литературѣ. Какъ на образчикъ притязаній психологіи на предметъ философіи мы укажемъ на недавно появившееся сочиненіе (1872 г.), принадлежащее одному изъ извѣстныхъ въ русской литературѣ писателей, Г. Кавелину. Въ своихъ «Задачахъ психологіи» онъ высказалъ мнѣніе, что философія сво-

*) *Cursus der Philosophie von Dr. E. Duhring, Leipzig 1875.*

**) *Geschichte des Materialismus von Fridrich Albert Lange 2-te Auflage Leipzig и Iserlohn 1873.*

дится на психологію. Не останавливаясь на многочисленных мѣстахъ этого сочиненія, гдѣ мимоходомъ проводится мысль, что изслѣдованія философіи, по мимо сознанія самихъ философовъ, относились въ сущности къ психологін, я укажу на то, гдѣ она высказана совершенно ясно. Такъ (Вѣстникъ Европы 1872 года Февраль стр. 556—557) Г. Кавелинъ говоритъ, что для него «германскія философскія системы, какъ системы міра суть не болѣе, какъ запоздалые отпрыски схоластики. Нѣмецкій идеализмъ имѣлъ дѣло исключительно съ однимъ только психологическимъ матеріаломъ, съ фактами, явлениями и законами психической жизни; законы, выдаваемые имъ за міровые, суть въ дѣйствительности законы души и ея отклоненій.... Сведите міровыя системы Фихте, Шеллинга и Гегеля къ размѣрамъ ученій о психической жизни, отнесите ихъ изслѣдованія не къ «всемірному духу» и законамъ вселенной, а къ человѣческой душѣ и ея законамъ, и безсмысленное въ этихъ системахъ окажется исполненнымъ смысла, кажущійся бредъ превратится въ замѣчательное открытіе, въ тонкія, глубокія, и превосходныя психологическія изслѣдованія, которыя и теперь сохраняютъ безотносительную цѣну и важность въ наукѣ».

Со временемъ, когда рѣчь пойдетъ объ отношеніи философіи къ другимъ наукамъ, а также и къ психологін, я обращусь особо къ сочиненію Г. Кавелина; теперь же я долженъ упомянуть еще объ одномъ притязаніи, если не на все содержаніе философіи, то, по крайней мѣрѣ, на цѣлую ея область со стороны новой науки, соціологін, а также и другихъ наукъ общественныхъ, напр., исторіи и т. п. Эти посягаютъ въ свою очередь на ученіе объ этикѣ, которая всегда составляла часть философіи. Съ этикой отхватывается вмѣстѣ и эстетика.

Хотя я нисколько не оправдываю этихъ указанныхъ сейчасъ притязаній, но не могу отрицать того, что они до нѣкото-

рой степени имѣють основаніе. Извѣстно, что нѣкогда всѣ науки, въ силу крайней ограниченности научныхъ знаній въ прежнее время, сливались съ философіей, и выдѣленіе ихъ происходило постепенно по мѣрѣ болѣе яснаго сознанія о различіи предметовъ наукъ и по мѣрѣ увеличенія числа особыхъ дѣятелей, имѣвшихъ возможность взять на себя разработку выдѣлявшихся отраслей. Этотъ процессъ выдѣленія продолжается даже и до нашего времени, такъ что послѣдними науками, отдѣлившимися отъ философій, были психологія и социологія. Поэтому уже въ нашемъ столѣтіи дѣйствительно въ области философій встрѣчались многіе отдѣлы, которые съ удобствомъ и справедливостью могли быть выдѣлены въ другія науки. И пока эти науки заявляли свое неотъемлемое право оспаривать ихъ притязанія было несправедливо: но эти требованія, какъ это бываетъ зачастую, зашли въ своихъ размѣрахъ слишкомъ далеко. Этимъ преувеличеннымъ требованіямъ соответствовали со стороны самихъ представителей философій или просто отсутствіе противодѣйствія или такое противодѣйствіе, которое только ее компрометировало. Послѣднее исходило преимущественно со стороны нѣкоторыхъ корифеевъ германской философій, которые, вмѣсто того, чтобы, какъ то прилично людямъ сильнымъ своимъ правомъ, серьезно и добросовѣстно разверстаться съ представителями другихъ наукъ, гордо отвергали всякія законныя требованія и разыгрывали роль оракуловъ, вдохновенныхъ свыше. По параллельно съ этимъ высокомѣріемъ шло и отсутствіе должнаго отпора притязаніямъ естествовѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что главныя нападки на философію шли отъ тѣхъ естествовѣдцовъ, которые въ сущности сами были не прочь пофилософствовать, а между тѣмъ прикрывались щитомъ положительной науки. Поэтому всего цѣлесообразнѣе было бы въ борьбѣ съ ними указать на это невольное признаніе съ ихъ стороны нужды въ философій, значить,

нужно было стать на почву этихъ противниковъ и разграничить то, что принадлежало къ сферѣ частной науки отъ того, что, такъ сказать, контрабандно впадало въ философію. Но для такого разграниченія философы должны были имѣть знакомство съ сущностью задачъ и содержанія частныхъ наукъ, а этого то знакомства, къ сожалѣнію, часто и недоставало. Какъ скоро въ послѣднее время лучшіе представители философіи убѣдились, что нельзя держать высоко знамя своей науки, игнорируя содержаніе частныхъ наукъ, и какъ скоро они стали на уровень широкаго энциклопедическаго знанія, такъ тотчасъ же многосторонне развитыми дѣятелями философіи положенъ былъ должный предѣлъ высококомѣрнымъ притязаніямъ представителей частныхъ наукъ. Теперь стало достаточно яснымъ, что само естествовѣдѣніе необходимо имѣть своимъ предположеніемъ философію. Этотъ весьма важный моментъ въ перипетіяхъ этой науки составляетъ центръ тяжести современной стадіи его развитія; и въ свое время мы рассмотримъ его обстоятельно.

Все сказанное до сихъ поръ о кризисѣ, переживаемомъ философіею, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ Западную Европу. Что касается до насъ, то едва ли нужно доказывать читателю, что эта наука находится у насъ не только въ застоѣ, но даже хуже того, просто въ загонѣ. Кому не встрѣчались, по видимому, имѣющіе нѣкоторую степень образованія подростки, которые считаютъ своею священною обязанностію оскалить зубы и даже заржать при одномъ только произнесеніи слова: философія? Бѣто не знаетъ того, что огромное большинство людей, хорошо знакомыхъ съ какой-либо спеціальной наукой, особенно изъ естественныхъ, только презрительно пожимаютъ плечами, когда въ ихъ присутствіи бываетъ упомянуто имя какого либо дѣятеля по философіи. Не тайна также и то, что много людей имѣющихъ, по своему положенію, вѣсь въ

общественной жизни по старой памяти продолжают относиться подозрительно къ философіи, ставя ее на одну доску съ разными зловердными *измами*. А между тѣмъ основное убѣжденіе всякаго вѣрнаго приверженца этой науки заключается въ томъ, что культура философіи въ обществѣ есть самая важная опора противъ всяческихъ *измовъ*, которые, какъ односторонности, должны быть непременно упразднены философскимъ синтезомъ и должны утонуть въ *единомъ міросозерцаніи*. Единство же міросозерцанія имѣетъ своимъ практическимъ послѣдствіемъ и своею идеальною послѣднею цѣлью *объединеніе индивидуальных влеченій* и дѣятельностей въ одну общую волю и гармоническую дѣятельность цѣлаго общества, человѣчества и черезъ него, смѣю сказать, цѣлаго міра. Но, чтобы философія прошла всѣ процессы своего развитія и роста и чтобы достигла этой послѣдней плодоносной стадіи, для нея необходимы условія, состоящія не столько въ положительномъ уходѣ за нею, сколько въ отрицательномъ устраненіи отъ нея всѣхъ препятствій къ естественному росту. Не столько нужны, напр., спеціальныя садовники для культуры этого чуднаго растенія, сколько доступъ свѣта и воздуха. Всякія попытки подрѣзать древо философіи по какому либо шаблону, образовать извѣстной формы крону, направлять его стволъ и вѣтви въ какомъ либо условномъ направленіи могутъ дать только одинъ тотъ результатъ, что растеніе зачахнетъ на первыхъ шагахъ. Но если обезпечены одни только естественныя условія для его развитія, то оно быстро заглушитъ всякую сорную траву (*измы*). само собою выработаетъ такое чудно—художественное расположеніе вѣтвей, крону и пр., какихъ никогда не дадутъ патентованные садовники, и въ концѣ концовъ отъ своего цвѣта будетъ отдѣлять цѣлебные ароматы въ окружности радіуса, теряющагося въ неизмѣримой дали пространства и времени!